Polis. Political Studies. 2018. No. 3. P. 42-59

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.04

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА). ЧАСТЬ I. ГЛЯДЯ НА ЗАПАД

В.А. Колосов, М.В. Зотова, Ф.А. Попов, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцов

КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, зам. директора и руководитель лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. Для связи с автором: vladimirkolossov@gmail.com; **ЗОТОВА Мария Владимировна,** кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. Для связи с автором: zotovam@bk.ru; **ПОПОВ Федор Аркадьевич,** кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. Для связи с автором: fpopov15@gmail.com; **ГРИЦЕНКО Антон Алексеевич,** кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. Для связи с автором: antohaha@yahoo.com; **СЕБЕНЦОВ Александр Борисович,** кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. Для связи с автором: asebentsov@gmail.com

Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть I. Глядя на Запад. – Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 42-59. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.04

Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта "Российское пограничье: вызовы соседства" (грант № 14-18-03621, руководитель В.А. Колосов).

Статья поступила в редакцию: 18.01.2018. Принята к публикации: 17.02.2018

Аннотация. Статья посвящена изучению эволюции общественных представлений о постсоветском пограничье России с помощью анализа их репрезентации в центральной российской прессе. В качестве фокусного издания выбрана "Независимая газета". Основу исследования составила база данных публикаций, собранная в ходе сплошного контент-анализа газеты за четыре периода: 1994-1995, 2000-2003, 2008-2012 и 2013-2014 гг. Дополнительно использованы материалы газет "Советская Россия", "Завтра" и "Новая газета". В качестве структурной основы исследуемых представлений рассматривается обновленная дилемма Восток – Запад, заключающаяся в стоящем перед Россией фундаментальном выборе одного из двух базовых внешнеполитических векторов – западного (европейского), направленного на сближение со странами ЕС и НАТО, перенимание их ценностей и моделей развития, и восточного (евразийского), сопряженного с полной или частичной реинтеграцией постсоветского пространства и созданием автономного центра силы в грядущем многополярном мире. Рассуждения о будущем границ и постсоветского пространства в целом, выстраивании отношений с бывшими союзными республиками с одной стороны и ЕС и НАТО – с другой, о целях и составе интеграционных объединений в регионе неизменно вращались вокруг оценки данной дилеммы. За исследуемые годы менялось как соотношение векторов в формируемом СМИ политическом дискурсе, так и понимание их содержания. Их подчеркиваемая в начале 1990-х годов непротиворечивость сменилась в середине 2010-х годов жестким противопоставлением при выраженном доминировании восточного вектора. В рамках настоящей статьи внимание сосредоточено на западной составляющей двуединого дискурса, отражающего трансформацию коллективного Запада из

полюса интеграции, источника экономической и политической модернизации и примера для подражания в ключевого геополитического соперника, фактически олицетворяющего силы Зла на политической карте мира.

Ключевые слова: граница; пограничье; критическая геополитика; политический дискурс; постсоветское пространство; европейская интеграция; дилемма Восток – Запад; Россия; Европейский союз; НАТО.

Современные исследования границ все более фокусируются на анализе их становления и трансформации в общественном сознании как "сверху", под воздействием политического *дискурса* при активном участии властей и социализации граждан системой образования, так и "снизу", в ходе повседневной практики. Хотя действующие нормы международного права и декларируют равнозначность государственных границ, общественное сознание неизбежно дифференцирует их на "естественные" и "искусственные", "справедливые" и "несправедливые", "постоянные" и "временные". Конкретный набор коннотаций, приписываемый той или иной границе, заметно различается в зависимости от ее "возраста" и природы и от того, какая именно группа выступает носителем соответствующих представлений. В общественном сознании четко закреплены образы рубежей, которые давно не меняли статуса и положения и ассоциируются с определенными геополитическими кодами в отношениях между странами. Молодые границы, напротив, характеризуются отсутствием четких когнитивных ориентиров: сдвиги и флуктуации в восприятии – своеобразное эхо перекройки политической карты в прошлом. Иными словами, возникновение границ – всегда вызов идентичности определенных социальных и территориальных групп, сохраняющийся и по прошествии сравнительно долгого времени.

Для России эти вопросы стоят особенно остро: область постсоветского пограничья широкой полосой протянулась по периферии бывшего СССР. После распада Советского Союза политический и бытовой лексикон мгновенно наполнился цепкими пространственно детерминированными категориями: "*ближнее зарубежье*", консервирующее память о союзной границе как о сакральном дальнем пределе российского государства, "*постсоветское пространство*", подчеркивающее имманентную целостность региона, и, как следствие, зыбкость прорезанных в нем политических рубежей. В этом же ряду стоит и расплывчатое, но обладающее правовой силой понятие "*соотечественники*". Оно охватывает широкий круг выходцев из СССР, сделавших "*свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией*"[1]. Все эти категории по сей день находятся в употреблении. Таким образом, геополитическая картина мира в сознании россиян по-прежнему в значительной мере завязана на символическом постсоветском "хартленде", скорее слитном, чем дробном, чье настоящее туманно, а будущее нуждается в решении.

Политический дискурс можно понимать двояко: во-первых, как набор смыслов, формирующих отношение к событиям, явлениям или объектам, основанный на определенном мировоззрении, ценностях и представлениях; во-вторых, как практику выстраивания обсуждаемых событий, явлений и объектов [Фуко 2004]. В первом случае в исследовании используются подходы и методы критической геополитики, позволяющие провести деконструкцию

[1] Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом". – *Официальный интернет-портал правовой информации.* Доступ: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059861 (проверено 02.04.2018).

политических заявлений, выделяются их элементы и выявляется дискурсивная реакция на внешние события. Политический дискурс, особенно в отражении СМИ – мощный инструмент формирования идентичности и легитимации границ как ее элемента [Berg 2000; Scott 2013; Laine, Casaglia 2017]. Однако дискурс может рассматриваться и как зеркало общественных представлений о границах, территориях, соседях, безопасности, союзниках и зарубежных угрозах. На подходах критической геополитики и основывается бóльшая часть данной работы [Mamadouh, Dijkink 2006; O'Tuathail, Dalby 1998; O'Tuathail 2006; Колосов 2011].

Формат отдельной статьи не позволяет изучить эволюцию содержания российского дискурса о постсоветском пограничье во всей полноте и проанализировать многообразные связи между важнейшими политическими проблемами, обсуждавшимися в СМИ на протяжении двадцати лет, и изменениями режима и функций различных участков российских границ (*bordering*). В рамках данной работы рассмотрена только одна из составляющих дискурса – современная редакция традиционной дилеммы Восток – Запад, а точнее, ее "западная" сторона[2].

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

Дискурс по проблемам соседства и границ анализировался в ходе сплошного скрининга "Независимой газеты" (НГ). Основанная в декабре 1990 г., НГ – частная газета, издающаяся ограниченным тиражом и распространяемая в первую очередь в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах РФ. Она позиционирует себя как "качественное" и "интеллектуальное" издание, развивавшее (по крайней мере, до 2001 г.) традиции "журналистики мнений". Хотя газета в целом сохраняет умеренно либеральный курс, в ней регулярно печатаются авторы различной политической ориентации, в том числе и те, кто выражает официальную позицию. За почти три десятилетия существования базовые черты редакционной политики не претерпели существенных изменений, хотя хозяева газеты и ее главные редакторы дважды менялись за этот период[3]. В настоящее время НГ служит площадкой для апробирования политических идей и обсуждения ключевых событий. Особое внимание в НГ уделяется внешней политике России, в частности отношениям со странами бывшего СССР.

Путем скрининга НГ была создана база данных, охватывающая четыре ключевых периода, отражающих переломные моменты в развитии внешней политики России на пространстве бывшего СССР. Во-первых, середина 1990-х годов (1994-1995 гг.), когда Россия еще находилась в поисках места в мире, стремилась очертить круг потенциальных союзников и идентифицировать внешние угрозы. Большинство новых границ, разделявших постсоветское пространство, тогда оставались "прозрачными", так как на тот момент не было ясно, какие геополитические коды будут определять отношения России с бывшими союзными республиками и каков должен быть режим и статус границ с ними.

Во-вторых, в базу данных вошли материалы, опубликованные в 2000-2003 гг. – в начале президентства Владимира Путина, когда были пересмотрены отношения с "дальним" и "ближним" зарубежьем и в основу российской внешней политики

[2] Альтернативному "взгляду на Восток" посвящена статья "Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом: глядя на Восток (анализ политического дискурса)", публикация которой ожидается в ближайших номерах журнала.

[3] С 2005 г. газета принадлежит К. Ремчукову – экономисту, журналисту, бизнесмену, бывшему депутату Государственной Думы; с 2007 г. он и ее главный редактор.

и геополитического в*и*дения мира лег принцип национального суверенитета и укрепления роли России как автономного центра многополярного мира. Сформировалось общее направление интеграционных процессов в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

В-третьих, база данных включает материалы, увидевшие свет в 2008-2012 гг. – в конце мандата Д.А. Медведева и в начале третьего президентского срока В.В. Путина. В тот период Россия активно утверждала статус главной региональной державы, в частности, в ходе острого конфликта с Грузией. Наконец, база охватывает период 2013-2014 гг., который ознаменовался крупнейшим со времен окончания "холодной войны" международным конфликтом, вызванным государственным переворотом в Украине, последующим присоединением Крыма и гражданской войной на Юго-Востоке Украины.

В каждом периоде было выбрано главное дискурсивное событие, инициировавшее длительное и напряженное обсуждение в прессе. В первом периоде (1994-1995) таковым выступает заключение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, которое определило формат отношений между сторонами и механизмы политического и экономического взаимодействия в различных областях. Во втором периоде (2000-2004) крупнейшим внешнеполитическим событием стало расширение НАТО и ЕС на восток. Оно вызвало долгие дискуссии об отношениях между Москвой и западным сообществом, включая вопрос о территориях исторического влияния России.

Третий период (2008-2012) отмечен "пятидневной войной" между Россией и Грузией в августе 2008 г. и последующим дипломатическим признанием Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии. Эти шаги расценивались как решительная попытка России заявить о своих жизненно важных национальных интересах. На Западе их восприняли как ответ Москвы на признание Косова. Западные лидеры пытались обосновать исключительность косовского случая и его коренное отличие от ситуации в Абхазии и Южной Осетии, а Россия обвинила их в применении двойных стандартов. В четвертом периоде (2013-2015), безусловно, главным событием стал конфликт между Россией и Западом, вызванный политическим кризисом в Украине.

Скрининг газеты за длительный период поставил некоторые методические проблемы. Во-первых, полные электронные архивы НГ доступны только после 2000 г. Более ранние выпуски имеются в цифровом виде в базе данных частного агентства "Интегрум", однако лишь в виде кратких резюме, не заменяющих оригинальные тексты. Во-вторых, объем газеты с 1990-х годов значительно вырос, и теперь каждый выпуск включает набор тематических приложений, выходящих с разной периодичностью ("Дипкурьер", "Сценарии", "НГ-Политика", "НГ-Религии", "НГ-Экология" и др.). В-третьих, в 1995 г. из-за финансовых трудностей издание приостановилось на два месяца. Наконец, последнее, но не менее важное обстоятельство связано с необходимостью учитывать при работе над анализом контента газеты "человеческий фактор". Хотя авторы старались включать в базу данных любые публикации, имеющие хотя бы косвенное отношение к проблемам соседства, режиму и функциям границ, масштабу и структуре трансграничных потоков и т.п., подбор материалов за отдельные периоды зависел от субъективных решений. Вследствие всех этих факторов данные о распределении публикаций по темам, регионам и периодам пришлось подвергнуть нормированию.

Общее количество материалов, накопленных в базе данных, составило 6 158. Каждый материал получил код, обозначающий его тематические и региональ-

ные атрибуции. Было выделено пять широких тематических категорий, которые, в свою очередь, подразделялись на более конкретные темы: экономика, геополитика, интеграционные процессы, социальные проблемы и окружающая среда (см. табл. 1 и рис. 1). Это дало возможность сортировать материалы и анализировать динамику содержания по периодам и регионам (участкам границ).

Таблица 1 (Table 1)

Классификация материалов, опубликованных в "Независимой газете" в 1994-2014 гг.

Classification of Materials Published in "Nezavisimaya Gazeta" in 1994-2014

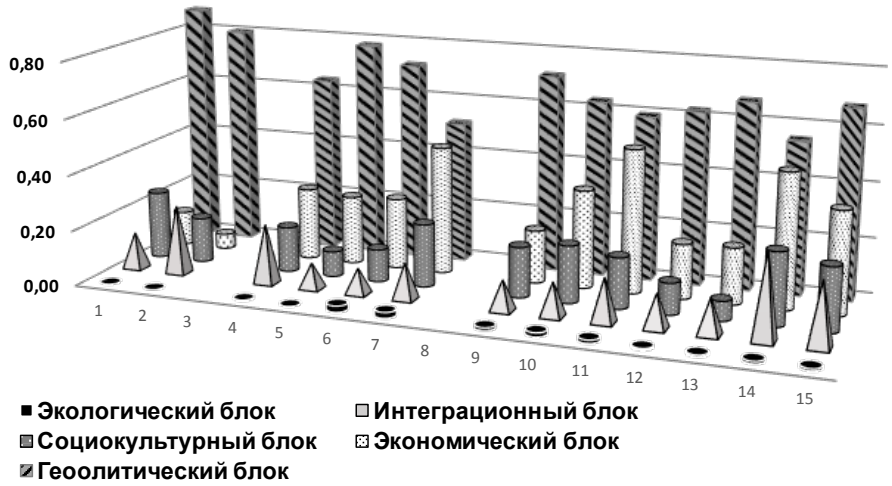
Тематический блок	Характеристика тематической категории	Код
Экономический блок	Трансграничные экономические связи и взаимодействия, экономические проблемы, за исключением упомянутых ниже	_econom
	Торговые войны (за исключением энергетических войн)	_tradewar
	Энергетические войны, в том числе конфликты из-за трубопроводов	_energwar
	Контрабанда	_smug
Геополитический блок	Проявления (гео)политической ориентации и принадлежности к определенному геополитическому региону	_(geo)poly
	Визовый режим	_visa
	Делимитация границ, в том числе территориальные споры	_delim
	Демаркация границ, в том числе открытие и закрытие контрольных пунктов; состояние пограничной инфраструктуры	_demarc
	Национальная безопасность, вооруженные конфликты в пограничье, фильтрующие функции границ	_secur
Интеграционный блок	Интеграция различных типов (политическая, экономическая и пр.)	_integr
	Трансграничное региональное и местное сотрудничество различных типов (политическое, экономическое и пр.), в том числе создание и функционирование еврорегионов	_coop
Социокультурный блок	Трансграничные социальные связи и взаимодействия, в том числе миграции (легальные и нелегальные); диаспоры, трансграничные коммуникации, проблемы соотечественников за рубежом	_socio
	Трансграничные культурные связи и взаимодействия, в том числе организация праздников и ярмарок, телевещание и т.п.	_cultur
	Положение русского языка за границей	_lang
	Прошлые изменения границ государства и административно-территориальные преобразования	_history
	"Естественные" границы наций, процессы нациестроительства	_nation
Экологический блок	Трансграничные экологические проблемы и пути их решения	_ecolog

В дополнение к анализу материалов НГ рассматривался дискурс по поводу четырех фокусных событий в трех газетах, отражающих альтернативные точки

зрения на ситуацию. В их число вошли газета “Завтра”, представляющая “национально-патриотическую” часть политического спектра, “Новая газета”, выражающая взгляды современных российских “западников”, и “Советская Россия”, известная как рупор Коммунистической партии РФ. Сравнение различных дискурсов дает представление о мнениях основных политических сил по наиболее актуальным вопросам.

Рисунок 1 (Figure 1)

Распределение сюжетов по тематическим категориям в % от общего числа отобранных публикаций
Distribution of a Articles by Thematic Categories in % from the Total Number of Selected Publications

Примечание. Составлено авторами по материалам исследования.

Дилемма Восток – Запад как структурная основа представлений о постсоветском пограничье

Кодификация материалов, включенных в базу данных, позволила провести количественный и качественный анализ эволюции политического дискурса по проблеме соседства и границ. В соответствии с современными взглядами, режим, функции, символическое и политическое значение государственных границ постоянно меняются под влиянием значимых событий, отношений с соседней страной, изменений мировых цен и курса валют и т.д. Поэтому темы дискурса о соседстве и границах весьма многообразны и охватывают деятельность международных организаций; развитие проектов интеграции; концептуализацию угроз национальной безопасности; динамику национальной (политической) идентичности; самоидентификацию этнических групп, в том числе проживающих по обе стороны от границы; нарративы, касающиеся общего с соседями исторического прошлого; памятники и другие элементы символического ландшафта; представления о возможностях и ограничениях, связанных с близостью границы и т.д.

Политический дискурс по пограничным проблемам можно структурировать по пяти следующим направлениям. Во-первых, следует различать

взгляды, развиваемые чиновниками и интеллектуалами, связанными с правящими кругами, и мнение оппозиции – в случае России, либеральной, левой (в основном коммунистической) и "национал-патриотической". Во-вторых, нельзя забывать, что российский политический дискурс претерпел сильные трансформации в течение последних двадцати лет.

В-третьих, даже при беглом взгляде можно заметить, что, несмотря на большие перемены, произошедшие за два с половиной десятилетия после распада СССР, политические дебаты всегда фокусировались на одной и той же дилемме: следует ли России идти по пути западных, европейских государств или, по крайней мере, стремиться к ассоциации с ними с целью экономической и социальной модернизации, или лучше искать специфическую модель развития, отвечающую национальной истории, традициям, геополитическому положению, способную сделать страну независимым центром многополярного мира и повторно интегрировать хотя бы часть бывшего СССР, которая отражала бы ориентацию на тесное сотрудничество с быстро развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, с Китаем? Мы называем эту альтернативу *дилеммой Восток – Запад*. В течение всего постсоветского периода споры по поводу этого фундаментального выбора касались подходов к решению концептуальных и практических проблем (кластеров проблем), связанных с выстраиванием отношений с ЕС и НАТО, интеграцией на постсоветском пространстве, строительством многополярного мира, сохранением территориальной целостности государства, налаживанием связей с "соотечественниками" за рубежом, укреплением суверенитета.

В-четвертых, дискурс можно анализировать по регионам (участкам границы): поскольку Россия граничит с 16 государствами (с учетом Абхазии и Южной Осетии), проблемы соседства варьируются в значительной степени не только во времени, но и в пространстве.

Дилемма Восток – Запад появилась в начале 1990-х годов с первыми попытками реинтеграции постсоветского пространства и дискуссиями об отношении к ЕС и НАТО. Пограничные проблемы определялись балансом между западным (европейским) и восточным (евразийским) вектором во внешней политике. Западный вектор означал установление добрососедских отношений с европейскими странами как на двусторонней, так и многосторонней основе, постепенное сближение с ЕС и создание четырех общих пространств, что подразумевало либерализацию трансграничных взаимодействий, ослабление или отмену визового режима, развитие инфраструктуры и институционализацию долгосрочного трансграничного сотрудничества, финансируемого обеими сторонами. Восточная ориентация – отражение фундаментального стремления политической элиты России к превращению страны в самостоятельный центр силы или по крайней мере частичной реинтеграции постсоветского пространства, которая сопровождалась нежеланием делегировать полномочия наднациональным органам.

В зависимости от политических событий соотношение между восточным и западным векторами постоянно менялось, пока после возвращения В.В. Путина на пост президента весной 2012 г. и начала политического кризиса в Украине в ноябре 2013 г. восточный вектор окончательно не стал доминирующим. Менялось и понимание сути евразийской интеграции: в 1990-е и в начале 2000-х годов она интерпретировалась как естественное взаимное притяжение

России и других постсоветских республик, выступавшее следствием многолетнего сосуществования в рамках одного государства. Ныне евразийская интеграция представляется как форма глобальной борьбы между Востоком и Западом, добром и злом. Отношения России и западного сообщества рассматриваются обеими сторонами как жесткая геополитическая конкуренция и "игра с нулевой суммой". Эта тенденция проявилась и в приграничных процессах вдоль западных границ, и в резком ухудшении имиджа ЕС в России и образа России на Западе, и в относительном замораживании трансграничного сотрудничества с высокой степенью вероятности появления расширенных форм секьюритизации, ремилитаризации пограничья и укрепления пограничного режима.

ГЛЯДЯ НА ЗАПАД: ОТ ИЛЛЮЗИЙ ИНТЕГРАЦИИ К ОТКРЫТОЙ КОНФРОНТАЦИИ

В *первый период* после распада СССР западный вектор доминировал или, по крайней мере, был вполне сопоставим с восточным. Российская внешняя политика в целом ориентировалась на расширение сотрудничества с западными странами, которое рассматривалось как необходимое условие модернизации экономики. Дискурс НГ был близок к официальной позиции. Значительная часть правящей элиты разделяла романтические иллюзии скорого присоединения к западному сообществу и в то же время сохранения бывших советских границ как общих рубежей постсоветского пространства. Либеральная риторика широко использовалась в официальных СМИ. В июне 1994 г. Россия и ЕС подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (ратифицировано в декабре 1997 г.), которое определило формат отношений и механизмы политического и экономического взаимодействия. Согласно приведенному на страницах НГ мнению министра иностранных дел РФ А.В. Козырева, соглашение обеспечило "*возможность для постепенного, но решительного выхода России на мировые рынки"*, представляя собой *"крупнейший шаг России на пути в Европу не только как политического, но и экономического партнера"*[4]. Возрастало число материалов о ЕС и их доля в общем количестве публикаций (см. рис. 2).

Эйфория постепенно сменялась реалистичными взглядами и скепсисом. Наблюдателей разочаровывала упрямая глухота ЕС к интересам России. Подчеркивался двойственный характер отношений. Примерно с середины 1990-х годов европейская политика в отношении России стала интерпретироваться как неадекватная и преследующая только интересы ЕС. Отмечалось, что Евросоюз держит дистанцию с Россией, не воспринимает ее как европейскую страну. Это вызвало виток дискуссий о месте страны в мире и "вечный" вопрос российской геополитики – где заканчивается Европа и является ли Россия ее частью: *"Россия пока не нашла своего прочного места в Европе, и отсюда, собственно, снисходительно-вежливое отношение к ней. Во всех общеевропейских учреждениях, куда Россия старается протиснуться, учтиво просят повременить, подождать или выдвигают условия, граничащие с вмешательством во внутренние дела"*[5].

Дискуссии об отношениях между Россией и ЕС почти всегда сочетались с дебатами о США и НАТО в единой теме евроатлантической ин-

[4] 27.05 завершила свою работу Парижская конференция по пакту о стабильности в Европе. – *Независимая газета*. 28.05.1994.

[5] Владимир Катин. Отношения Европы и России можно охарактеризовать одним словом: двойственность. – *Независимая газета*. 08.06.1994.

теграции. Подчеркивалось, что путь в ЕС открыт только для членов Североатлантического альянса. В результате расширение ЕС на восток истолковывалось как расширение НАТО и воспринималось как неприемлемая угроза. Это породило порочный круг: "*...присоединение России к НАТО в обозримой перспективе маловероятно, учитывая ее отягощенность внутренними экономическими проблемами, социально-политической нестабильностью. Но и расширение НАТО без России будет означать их противостояние – вольное или невольное*"[6].

Два фактора серьезно омрачали отношения России с ЕС. Во-первых, война в Чечне возродила у европейцев *"былые страхи по поводу российского имперского экспансионизма и силового решения возникающих проблем"*[7]. Чеченский конфликт ускорил расширение НАТО и свел к нулю шанс России помешать процессу. Во-вторых, действия НАТО в Косово без согласия ООН рассматривались как "*действия против мира, против норм международного сообщества*", "*массированное, грубейшее нарушение национальных и геополитических интересов России*"[8]. Эти действия осуждались всеми российскими политическими партиями и привели к масштабному кризису в отношениях с Западом. В политический дискурс вернулись такие понятия, как "*нерушимость границ", "самоопределение народов", "русское единство", "идентификация через поиск и воспроизводство ценностей", "национальная идея"*. В отличие от начала 1990-х годов, Россия стала позиционировать себя как иная цивилизация, которая, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, *"никогда не была частью Запада... и воспринималась в Европе как чуждая, экспансионистская азиатская держава*"[9].

Во *втором периоде* (2000-2003 гг.) поначалу сохранялась общая непротиворечивость восприятия европейского и евразийского интеграционных векторов, причем ЕС рассматривался как образец экономического и политического объединения. После прихода к власти Путин высказывался за установление хороших отношений с Западом и особенно с Европой. В доминирующем дискурсе о постсоветской интеграции стали активно использоваться такие термины, как "*интеграция европейского типа", "сообщество по типу Евросоюза", "объединение двух стран на принципах Европейского союза", "модель Евросоюза"* и т.п.

Уже тогда было заметно, что потребность в евразийской интеграции оправдывалась противодействием расширению НАТО, хотя еще в мягкой форме (*"наш союз с Россией – противовес НАТО"*[10]). Соглашение с ЕС 1994 г. не оправдало ожиданий России и не реализовалось полностью.

В 2002 г., накануне почти одновременного вступления десяти стран Центральной и Восточной Европы в НАТО и в "Большую Европу", внимание к отношениям между Россией и ЕС достигло первого пика (см. рис. 2).

[6] НАТО плюс Россия? Новые проблемы европейской безопасности. – *Независимая газета*. 16.11.1994.

[7] Дашичев В.И. Европейская трагедия. – *Независимая газета*. 10.10.1995.

[8] Айрапетова Н. НАТО стремится изолировать Россию от остальной Европы. Интервью с В. Волковым. – *Независимая газета*. 23.12.1998.

[9] Самуйлов С. Межцивилизованный подход. – *Независимая газета*. 29.04.1994.

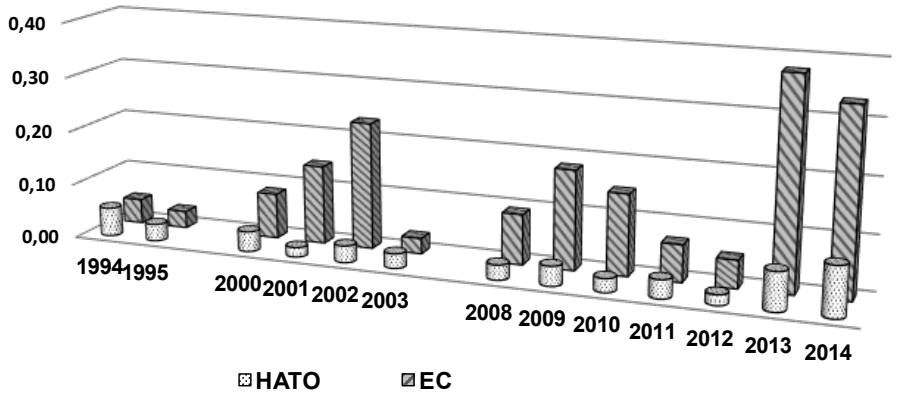
[10] Вавилов Н. "За нами пойдут другие народы". Интервью с А.Г. Лукашенко. – *Независимая газета*. 18.01.2000. Доступ: http://www.ng.ru/cis/2000-01-18/5_poidut.html (проверено 02.04.2018).

Расширение НАТО означало радикальный сдвиг в отношениях между Россией и ее бывшими "внешними" (бывшие социалистические страны Центральной Европы) и "внутренними" (бывшие республики Советского Союза) "геополитическими оболочками". Хотя вступление в НАТО и ЕС часто рассматривается в комплексе, отношение к ЕС российской общественности и экспертного сообщества всегда было значительно мягче. В любом случае распространение на восток правовых и экономических норм, в разработке которых Россия не принимала участия, представало весьма тревожным фактором. Условия торговли России с новыми членами ЕС привели к значительным экономическим потерям.

Рисунок 2 (Figure 2)

Доля сюжетов с упоминанием ЕС и НАТО в общем числе отобранных публикаций за год (составлено авторами по материалам исследования)

The Percentage of Articles with the Reference to the EU and NATO in Total Number of Selected Publications by Years (Compiled by the Authors on a Basis of the Research Materials)

Яркие эмоции и многочисленные комментарии вызвало вхождение соседних стран в Шенгенскую зону. СССР, а затем Россия на протяжении десятилетий пользовались безвизовым режимом со всеми новыми членами ЕС, кроме стран Балтии (после 1992 г.). Сложной темой переговоров с ЕС была трансформация Калининградской области в изолированный эксклав. Брюссель последовательно отказывался от предложений России. Проблема Калининграда стала лакмусовой бумажкой в отношениях России и ЕС. Поскольку ЕС отверг российские предложения о создании безвизовых коридоров для связи с Калининградом, учреждение упрощенного документа для железнодорожного транзита через Литву нередко расценивалось как попрание суверенитета России ("*в собственный дом входить с разрешения соседа не следует*"[11]), хотя и стало разумным компромиссом.

[11] Мигалин С. Дальше от России, но ближе к Европе. – *Независимая газета.* 10.10.2002. Доступ: http://www.ng.ru/regions/2002-10-10/4_kaliningrad.html (проверено 02.04.2018).

В стремлении сохранить открытые границы с ЕС Украина поставила вопрос о визовом режиме с Россией, заявляя, что необходимо скорее провести демаркацию и делимитацию границы с Россией. Отношение к расширению ЕС на постсоветские страны стало более негативным, так как рассматривалось как фундаментальный геополитический проект, притом что реальная готовность страны к членству в ЕС отошла на второй план.

Комментируя расширение ЕС и включение новых членов в Шенгенскую зону, НГ использовала образ стены[12]. "*Шенгенская стена*" как разделительная линия в Европе – одна из основных тем. В том же 2002 г. Москва официально обратилась к ЕС с предложением об отмене визового режима, что вызвало виток дискуссии, в которой участвовали дипломаты, ученые и политики из России, стран СНГ и Европы. "Шенгенскую стену" часто сравнивали с новым железным занавесом. ЕС обвиняли в возведении таможенных и пограничных барьеров, непреодолимых для России: *"...вольно или невольно провозглашение 'единой Европы' прокладывает политически и психологически те самые разделительные линии, которых, как заявлено в Копенгагене, так хотели бы избежать"*[13].

Неудачи и ограничения в отношениях с Западом объяснялись принципиальными различиями в менталитете. Для России *"общецивилизационный европейский выбор является... скорее нравственным, мировоззренческим, а не институциональным понятием"*[14]. Главный мотив заключался в том, что, несмотря на дружеский дискурс, ЕС изолировал и "отчуждал" Россию. Журналист НГ Евгений Григорьев писал: *"Стена XXI в. может сооружаться из чего угодно... Эта своего рода виртуальная, невидимая глазу стена по тысячекилометровому периметру ЕС строится официально против нелегальной иммиграции. Но в реальной практике она грозит 'замуровать' жителей калининградского анклава, ввести новые препоны свободному общению и передвижению людей..."*[15].

Тема "Шенгенской стены" или "мягкой блокады" долгое время оставалась в фокусе дискурса НГ о ЕС – в частности, из-за долгих и безуспешных переговоров о либерализации визового режима. Как показывали социологические опросы, в глазах российской общественности это был самый заметный признак добрососедства с ЕС.

Речь В. Путина в 2007 г. в Мюнхене стала предвестником нового этапа отношений между Россией и Западом. Президент указал на необходимость равноправного сотрудничества, осудил попытки создать однополярный мир с доминированием США как единственной сверхдержавы и критически оценил расширение НАТО на восток и размещение американских ракет в Центральной Европе, отметив, что нельзя реорганизовать постсоветское пространство без участия России.

---

[12] См. Янов А.Л. Не стоит рубить окно в Европу. Надо сломать стену. – *Независимая газета*. 25.06.2002. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2002-06-25/11_integration.html (проверено 02.04.2018); Глинкин М. "Шенгенская стена" вместо окна в Европу. – *Независимая газета*. 02.06.2003. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2003-06-02/1_peterburg.html (проверено 02.04.2018).

[13] Григорьев Е.Е. Копенгаген – это только начало. – *Независимая газета*. 16.12.2002. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2002-12-16/2_copenhagen.html (проверено 02.04.2018).

[14] Иванов И.Д. Не поддаваясь на уловки Брюсселя. – *Независимая газета*. 07.10.2002. Доступ: http://www.ng.ru/courier/2002-10-07/12_buxelles.html (проверено 02.04.2018).

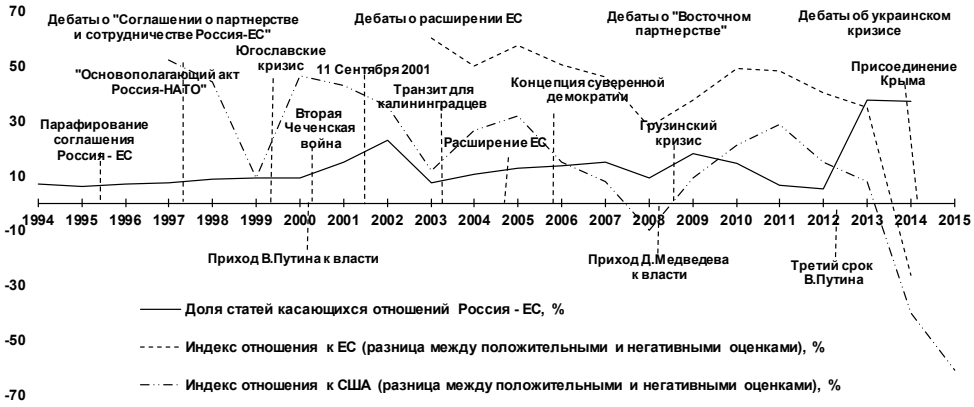
[15] Григорьев Е.Е. Идея стены живет и торжествует. – *Независимая газета*. 08.07.2002. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2002-07-08/2_idea.html (проверено 02.04.2018).

В *третьем периоде* (2008-2012 гг.) взаимодействие России с ЕС рассматривались через призму проекта "Восточное партнерство", продвигаемого европейской стороной (см. рис. 3). "Восточное партнерство" оценивалось как вызов российским интересам в регионе. Цель проекта интерпретировалась как окончательный распад постсоветского пространства. Отношения превращались в "игру с нулевой суммой" – борьбу за влияние в регионе по принципу "победитель получает все". В Москве считали, что ЕС не мог строить отношения с Россией так же, как с небольшими соседними странами. В официальном дискурсе попытки распространить европейские ценности и нормы на соседние государства освещались в негативных тонах. Несмотря на критическое отношение к проекту, в редакционных статьях прямо признавалось: "*шансов на то, что мы удержим 'бывших наших' в своей орбите, честно говоря, немного*"[16].

Рисунок 3 (Figure 3)

Основные дискурсивные события во взаимоотношениях между Россией и ЕС за 1994-2015 гг.

Major Discursive Milestones in the Relationships between Russia and the EU, 1994-2015

Примечание. Составлено авторами по материалам исследования и данным Аналитического центра Юрия Левады[17].

Дискуссии о "Восточном партнерстве" и отношениях с Западом приобрели особенно острый характер, поскольку совпали с обсуждением "критических выборов" в Молдове и Приднестровье, от которых зависели перспективы отношений между правым и левым берегами Днестра, а также последствий "пятидневной войны" между Россией и Грузией. Эти обсуждения вылились в общие дебаты на тему геополитического самоутверждения России и сферы ее международной ответственности, определив второй пик публикаций о ЕС в НГ в 2009 г. (см. рис. 2). Многие из них напрямую касались места различных участков российской границы в системе национальной экономической и военной безопасности.

Запад обвинил Россию в развязывании военных действий в Грузии, что болезненно восприняло российское общественное мнение, с самого начала уверенное

[16] Европейский зонтик для СНГ. – *Независимая газета*. 21.10.2009. Доступ: http://www.ng.ru/editorial/2009-10-21/2_red.html (проверено 02.04.2018).

[17] Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – *Аналитический центр Юрия Левады*. Доступ: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf (проверено 02.04.2018).

в том, что Грузия первая напала на Южную Осетию. В России преобладающий "государственнический" дискурс был основан на предположении, что Россия могла "*избежать втягивания в очередную кавказскую бойню*", но это значило бы согласие на "*ограничение собственной роли на Южном Кавказе и усиление влияния Запада*"[18]. Эксперты часто подчеркивали, что Россия устала от неравноправного сотрудничества и двойных стандартов, применяемых Западом. Когда Москва признала независимость Абхазии и Южной Осетии, никто из авторов НГ не увидел разницы между ситуациями в Косово и в отколовшихся от Грузии регионах. Единственное реальное различие, по мнению российских наблюдателей, заключалось в отсутствии перспектив признания Абхазии и Южной Осетии ЕС и странами НАТО.

Конфликт осложнил отношения России с Западом, резко отдалил упразднение визового режима, спровоцировал замораживание переговоров о новом базовом договоре с ЕС. Возникла дискуссия о размещении американских ракет в Польше и Чехии, якобы не направленных против России. ЕС не допускал попыток российского бизнеса купить значительные пакеты акций европейских компаний, особенно в чувствительной для России сфере энергетики. Был принят Третий энергетический пакет, в котором, по мнению российской стороны, игнорировались ее объективные интересы. ЕС добивался твердых гарантий для инвестиций, требовал от России отменить платежи за авиационный транзит над Сибирью, упростить бюрократические процедуры регистрации иностранцев и убедить российское руководство не использовать санитарные и экологические требования в качестве инструмента политического давления[19]. Со своей стороны, Россия ограничивала иностранные инвестиции в стратегические отрасли экономики, в частности, в добычу природного газа, сохраняла монополию на транспортировку газа и нефти. Тем не менее, урегулирование кризиса было воспринято с осторожным оптимизмом.

Дебаты о кризисе в Украине (*четвертый период*, 2013-2014 гг.) во всех российских СМИ переплетались с темой противостояния России и Запада. Примерно в 80% статей об отношениях с ЕС и НАТО речь шла о стратегическом выборе между Россией и Западом, евроатлантической и евразийской интеграцией, который должны были сделать Украина, Молдова, Грузия и Белоруссия. Украина представала полем битвы между РФ и странами Запада. В доминирующем дискурсе ответственность за ее развязывание возлагалась на Запад, который отверг российскую инициативу провести трехсторонние переговоры в формате Украина – Россия – ЕС. Подчеркивалось, что официальные лица и общественность некоторых европейских стран, например, Финляндии и Германии, периодически выступали за нормализацию отношений с Россией. Крайне негативная роль отводилась США как главному противнику России, виновному в обострении политической ситуации и руководящему "пассивной" Европой.

"Национал-патриотическая" риторика, не свойственная официальному дискурсу до 2012 г., достигла пика в 2014 г. В НГ приводились слова В.В. Путина о том, что "*Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни… У нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учи-*

[18] Петровская Ю. Югоосетинский прецедент. – *Независимая газета.* 11.08.2008.Доступ: http://www.ng.ru/politics/2008-08-11/4_pretsedent.html (проверено 02.04.2018).

[19] Кузнецова Е. Россию пытаются удержать в "ценностном" поле. – *Независимая газета.* 14.04.2008. Доступ: http://www.ng.ru/dipkurer/2008-04-14/19_eurosouz.html (проверено 02.04.2018).

тывать и уважать"[20]. Принцип многополярного мира получил новое звучание: авторы публикаций постоянно настаивали, что Россия – один из главных его центров. Геоэкономическая ситуация, спровоцированная поворотом России на восток, рассматривалась как альтернатива однополярному миру во главе с США.

Альтернативные дискурсы. Левый дискурс, формируемый "Советской Россией", наиболее целостный и стабильный. Он основан на предположении, что отношение Европы к России всегда было предвзятым и неравным, и что Запад навязывает России глубоко чуждые модели развития, идеологию классового неравенства, эксплуатации и потребительства. Запад и его инициативы неизменно демонизируются. "Левый" дискурс имел тенденцию к почти полному слиянию с "национально-патриотическим" (газета "Завтра"). Обе газеты предостерегали российские власти от тесного сотрудничества и интеграции с ЕС и НАТО, подчеркивая, что ни одна попытка России улучшить отношения с Западом не удалась.

В левом дискурсе проект "Восточное партнерство" виделся как исключительно антироссийский и характеризовался как неоколониальный. На страницах "Советской России" указывалось, что политика развитых стран строится по принципу *"возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим все, что в состоянии конкурировать с нами"*[21]. Авторы статей характеризовали ЕС как "*троянского коня НАТО*"[22].

Конфликт 2008 г. в Южной Осетии воспринимался как западный заговор, *"тщательно продуманная и длительно готовившаяся операция, чтобы выкинуть Россию с Кавказа и из Средней Азии, создать тем самым предпосылки для дальнейшего расширения НАТО и выстраивания санитарного кордона враждебных государств вокруг России"*[23]. Газета полностью одобряла действия властей: *"Россия впервые за всю свою новейшую историю приняла мужественное и независимое политическое решение, возложив на себя всю ответственность за его последствия"*[24]. Авторы были убеждены, что "*только признание независимости Абхазии и Южной Осетии дает какие-то гарантии мира"*[25] и что присутствие российских военных на их территории – условие для него.

Либеральный дискурс в "Новой газете" 1990-х и начале 2000-х годов был близок к дискурсу НГ, однако с середины 2000-х годов различия между ними стали заметными. НГ приближалась к центристской позиции и иногда даже публиковала материалы, которые могли появиться в "национально-патриотических" газетах. "Новая газета" становилась непримиримой и резкой. Вина за отсутствие конструктивного диалога с ЕС возлагалась исключительно на российские власти, которые не уделяли достаточного внимания экономическим реформам и шли по пути строительства "управляемой демократии": "*Россия выбрала идеологию государства-нации, государства-мессии, великой России*.

[20] Самарина А., Родин И. "Фултонская речь" Путина. – *Независимая газета*. 19.03.2014. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2014-03-19/1_speech.html (проверено 02.04.2018).

[21] Делягин М. Итоги интеграции Восточной Европы. – *Советская Россия*. 31.10.2009.

[22] Котов Ю. Сомнительная вечеря в Праге. – *Советская Россия*. 07.05.2009. Доступ: http://www.sovross.ru/articles/318/5346 (проверено 02.04.2018).

[23] Пять лет пятидневной войны. Что нам оставят от победы? Из интервью с Ю.А. Квицинским. – *Советская Россия*. 08.08.2013. Доступ: http://www.sovross.ru/articles/948/16067 (проверено 02.04.2018).

[24] Свиридов П. У поворота истории. – *Советская Россия*. 28.08.2008. Доступ: http://www.sovross.ru/articles/219/3911 (проверено 02.04.2018).

[25] Там же.

Это не вписывается в европейский проект"[26]. Отношения между Россией и Европой на страницах газеты называли диалогом глухонемых: "*и Европа, и Россия говорят 'демократия', 'права человека', но понимают под этим разные вещи*"[27]. Либералы были убеждены, что различия в ценностях между Россией и Западом – основное препятствие для смягчения визового режима и что демократизация – условие неизбежного партнерства с западными странами.

В либеральном дискурсе отношение к "Восточному партнерству" было весьма положительным. В нем видели поддержку европейских устремлений государств постсоветского пространства и компенсацию невозможности их приема в ЕС. Официальную реакцию России на европейскую инициативу называли противоречивой, судорожной и неэффективной. В свою очередь, модели ЕврАзЭС и Единого экономического пространства виделись непривлекательными для постсоветских государств. В южноосетинском конфликте позиция "Новой газеты" сильно отличалась от других газет. Писалось о том, что "*российское вторжение в Грузию было заранее спланировано*"[28], операция в Южной Осетии сравнивалась с вторжением в 1999 г. в Чечню и называлась "разборкой", в основе которой лежала "*идея защиты Русского мира за пределами границ РФ*"[29]. Отмечался рост имперских амбиций российского руководства в борьбе за традиционные сферы влияния.

Для либеральных наблюдателей кризис 2014 г. в Украине стал Рубиконом в отношениях между Россией и ЕС, переход через который означает достижение точки невозврата. По мнению либеральных авторов (появляющихся и на страницах НГ), виноваты российские власти, которые выбирают неверный путь, ведущий к изоляции страны; правильный же путь заключается в сближении с ЕС, а не в создании ЕврАзЭС. Подчеркивалось, что усиление авторитарного режима, ужесточение полицейских мер и избирательное применение законодательства лишит Россию надежды наладить конструктивный диалог с Западом и страна движется по направлению к *"бесконечному застою"*. *"Если Россия собирается быть частью современного мира… нужно четко понимать, какой частью его она может стать и на каком месте в нем она способна оказаться*"[30]. Либеральная риторика все больше противоречила официальной позиции, осуждалась центристскими и левыми СМИ, маргинализировалась.

* * *

Изначально входивший в исследовательское поле географии когнитивный подход к изучению границ завоевал большую популярность и открыл перспективы представителям других социальных наук – историкам и экономистам, социологам и "международникам".

Анализ дискурса о границах страны в центральных российских газетах подтвердил высокий потенциал этого подхода. Этот дискурс затрагивает не-

[26] Европа подошла к окну и прикрыла форточку. – *Новая газета*. 06.05.2004. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/articles/2004/05/06/22201-evropa-podoshla-k-oknu-i-prikryla-fortochku (проверено 02.04.2018).

[27] Решетка на окне в Европу. – *Новая газета*. 26.01.2004. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/articles/2004/01/26/23155-reshetka-na-okne-v-evropu (проверено 02.04.2018).

[28] Фельгенгауэр П. "Это была не спонтанная, а спланированная война". – *Новая газета*. 14.01.2008. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/articles/2008/08/13/36960-eto-byla-ne-spontannaya-a-splanirovannaya-voyna (проверено 02.04.2018).

[29] Мартынов К. Пятидневная война" сегодня. – *Новая газета*. 10.08.2015. Доступ: http://www.novayagazeta.ru/columns/69485.html (проверено 02.04.2018).

[30] Иноземцев В.Л. О целях и методах конструктивной оппозиции. – *Независимая газета*. 18.01.2013. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2013-01-18/5_opposition.html (проверено 02.04.2018).

вероятно богатый набор сюжетов – от делимитации и демаркации, режима и функций границ, приграничного сотрудничества до, казалось бы, чисто политических проблем, таких как законодательство о соотечественниках или политика памяти в России и соседних странах.

Изучение дискурса показывает, что перераспределение функций между различными участками границ России со многими республиками бывшего СССР (*de-bordering* и *re-bordering*) определялось фундаментальным вызовом, который долгие годы стоял перед многими из них: или ассоциация с ЕС, или участие в различных проектах евразийской интеграции. Что касается "старых" границ России, унаследованных от Советского Союза, то их эволюция зависела от изменений в соотношении между "западным" и "восточным" векторами российской внешней политики: медленным и крайне трудным поиском компромиссов с ЕС и другими западными странами, с одной стороны, и попытками найти особый путь развития, органически связанным с укреплением сотрудничества с быстро развивающимся Китаем – с другой. Поиск оптимального баланса между "западным" и "восточным" векторами – извечная проблема, которую с разным успехом пытались решать историческая Россия и ее преемник, Советский Союз. В истории двух последних столетий можно выделить пять повторяющихся фаз изменения отношений между Россией и Европой [Цымбурский 2007].

Такая цикличность объясняет удивительное постоянство главных тем постсоветского дискурса о границах. Дилемма Восток – Запад определяла контактные и барьерные функции разных участков границ, дискурс об их роли в *конфликтах, соперничестве и сотрудничестве* между Россией и соседними странами на разных пространственных уровнях [Krasteva 2015].

Преемственность дискурса парадоксальным образом сочетается с коренными изменениями, особенно разительными в конце рассматриваемого периода. Геополитический поворот, спровоцированный политическим кризисом в Украине, но подготовленный многими предшествующими событиями, широко обсуждавшимися в российской печати, привел к глубокому расколу между Россией и Западом и декларациям о переориентации на Восток. Следствие раскола – рост озабоченности России и ее западных соседей вопросами безопасности, появление жесткого барьера вдоль границы с Украиной, превратившейся во враждебную страну.

Одновременно значительно укрепилась гегемония официального дискурса, развиваемого главными федеральными телеканалами. Парламентская оппозиция поддержала ключевые решения руководителей страны, оказавшие влияние на функции разных участков границ, что размыло различия между официальным и оппозиционным дискурсами. Левый и национал-патриотический дискурс по многим внешнеполитическим вопросам практически слились. Либеральный дискурс, продвигаемый слабыми и раздробленными внепарламентскими силами, вытеснен на далекую периферию общественного внимания, а в его центр выдвинулись претензии на цивилизационную исключительность России. В общественных представлениях страна выглядит "осажденной крепостью", что оказывает прямое влияние на функции границ и приграничное сотрудничество. Объективное усложнение международных проблем сопровождалось упрощением их отражения в СМИ.

В глобализирующемся мире практически ни одна граница не может быть герметически "закрыта", и в дискурсе о границах противоречиво переплетаются сюжеты, сочетающие в разных пропорциях все три элемента триады

"конфликты – соперничество – сотрудничество". Один и тот же сосед может рассматриваться и как привилегированный партнер, и как угроза. Несмотря на негативные изменения на границах между Россией и странами Запада, число их пересечений гражданами после падения в 2014-2015 гг. стало расти, и стороны разрабатывали проекты приграничного сотрудничества.

(Часть II статьи "...Глядя на Восток" читайте в следующем номере.)

Колосов В.А. 2011. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. – *Политическая наука*. № 4. С. 31-52.

Фуко М. 2004. *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная Академия. 418 с.

Цымбурский В.Л. 2007. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006*. М.: РОССПЭН. 544 с.

Berg E. 2000. Deconstructing Border Practices in the Estonian-Russian Borderland. – *Geopolitics*. Vol. 5. No. 3. P. 78-98. https://doi.org/10.1080/14650040008407692

Krasteva A. 2015. Spaces, Lines, Borders: Imagineries and Images. – *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Ed by C. Brambilla, J. Laine, J.W. Scott & G. Bocchi. Franham: Ashgate. P. 11-26.

Laine J.P., Casaglia A. 2017. Challenging Borders: a Critical Perspective on the Relationship between State, Territory, Citizenship and Identity: Introduction. – *Europa Regional*. No. 24. P. 3-8.

Mamadouh V., Dijkink G. 2006. Geopolitics, International Relations and Political Geography. The Politics of Geopolitical Discourse. – *Geopolitics*. Vol. 11. No. 3. P. 349-366. https://doi.org/10.1080/14650040600767859

O'Tuathail G., Dalby S. 1998. Introduction: Rethinking Geopolitics. Towards a Critical Geopolitics. – *Rethinking Geopolitics*. Ed. by G. O'Tuathail, S. Dalby. London: Routledge. P. 1-15.

O'Tuathail G. 2006. Thinking Critically about Geopolitics. – *The Geopolitics Reader*. 2nd ed. Ed. by G. O'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge. London: Routledge. P. 1-12.

Scott J.W. 2013. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions. – *European Planning Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 75-92. https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.04

RUSSIA'S POST-SOVIET BORDERZONE IN BETWEEN EAST AND WEST (ANALYSIS OF POLITICAL DISCOURSE): PART I. LOOKING WEST

V.A. Kolosov[1], M.V. Zotova[1], F.A. Popov[1], A.A. Gritsenko[1], A.B. Sebentsov[1]

[1]Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

KOLOSOV Vladimir Alexandrovich, Dr. Sci. (Geogr.), Professor, Deputy Director, Head, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: vladimirkolossov@gmail.com; **ZOTOVA Maria Vladimirovna**, Cand. Sci. (Geogr.), Senior Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: zotovam@bk.ru; **POPOV Fedor Arkadyevich**, Cand. Sci. (Geogr.), Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: fpopov15@gmail.com; **GRITSENKO Anton Alexeevich**, Cand. Sci. (Geogr.), Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: antohaha@yahoo.com; **SEBENTSOV Alexander Borisovich**, Cand. Sci. (Geogr.), Senior Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: asebentsov@gmail.com

Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B. Russia's Post-Soviet Borderzone in Between East and West: Looking West (Analysis of Political Discourse). – Polis. Political Studies. 2018. No. 3. P. 42-59. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.04

Acknowledgments. The articles was supported by the Russian Science Foundation, research grant No. 14-18-03621 "The Russian Borderland: the Challenges of the Neighborhood", head V.A. Kolosov.

Received: 18.01.2018. Accepted: 17.02.2018

Abstract. The article is devoted to the study of evolution of public perceptions of new Russia's post-Soviet borderzone through the analysis of their representation in Russian press. "Nezavisimaya Gazeta" was chosen as a focus newspaper. The study is based on a database of publications collected through screening of this edition in four periods: 1994–1995, 2000–2003, 2008–2012 and 2013–2014. The newspapers titled "Sovetskaya Rossiya", "Zavtra" and "Novaya Gazeta" were used as the sources of additional information. It has been found that modernized East-West dilemma serves as a framework of these representations. Russia faces a fundamental choice between two vectors. The Western (European) vector means the rapprochement with the members of the EU and NATO, adoption of their values and development models. The Eastern (Eurasian) one implies total or partial reintegration of post-Soviet space and creation of new autonomous center of power within upcoming multi-polar world. Debate about the future of newly formed borders and the whole post-Soviet space, about building relations with former union republics on the one hand and the EU and NATO on the other, about aims and composition of regional integration projects etc. has invariably focused on the analysis of this dilemma. From the 1990th there were changes not only with the balance between two vectors within the media political discourse (non-contradicted in early 1990th they turned in the middle of 2010th into opposite sides of a dichotomy while the eastern vector appeared to be a dominant one) but also with their proper understanding. This article concerns with the Western part of two-faced discourse that reflects the transformation of collective West from focus of consolidation, source of economic and political modernization and a role model to key geopolitical rival which de facto plays a role of the Evil on the world political map.

Keywords: border; border area; critical geopolitics; political discourse; European integration; post-Soviet space; East-West dilemma; Russia; EU; NATO.

References

Berg E. Deconstructing Border Practices in the Estonian-Russian Borderland. – *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 78-98. https://doi.org/10.1080/14650040008407692

Foucault M. L'Archéologie du savoir. (Russ. ed.: Foucault M. *Arheologija znanija*. St. Petersburg: Gumanitarnaja Akademija. 2004. 418 p.)

Kolosov V.A. Critical Geopolitics: Basis of the Concept and an Experience of its Application in Russia. – *Polis. Political Studies*. 2011. No. 4. P. 31-52. (In Russ.)

Krasteva A. Spaces, Lines, Borders: Imagineries and Images. – *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Ed by C. Brambilla, J. Laine, J.W. Scott & G. Bocchi. Franham: Ashgate. 2015. P. 11-26.

Laine J.P., Casaglia A. Challenging Borders: a Critical Perspective on the Relationship between State, Territory, Citizenship and Identity: Introduction. – *Europa Regional*. 2017. No. 24. P. 3-8.

Mamadouh V., Dijkink G. Geopolitics, International Relations and Political Geography. The Politics of Geopolitical Discourse. – *Geopolitics*. 2006. Vol. 11. No. 3. P. 349-366. https://doi.org/10.1080/14650040600767859

O'Tuathail G. Thinking Critically about Geopolitics. – *The Geopolitics Reader*. 2nd ed. Ed. by G. O'Tuathail, S. Dalby & P. Routledge. London: Routledge. 2006. P. 1-12.

O'Tuathail G., Dalby S. Introduction: Rethinking Geopolitics. Towards a Critical Geopolitics. – *Rethinking Geopolitics*. Ed. by G. O'Tuathail & S. Dalby. London: Routledge. 1998. P. 1-15.

Scott J. W. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions. – *European Planning Studies*. 2013. Vol. 21. No. 1. P. 75-92. https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240

Tzymbursky V.L. *Ostrov Rossija. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. 1993-2006* [Island of Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993-2006]. Moscow: ROSSPEN. 2007. 544 p. (In Russ.)